

Вернувшись в поместье принца-регента, Фэн Бэйцэ сразу же направился в покои Ань Цзыяня. Ань Шаоцинъ тихо следовал за супругом, прекрасно понимая, какая буря бушует у того на душе и как тяжело далось ему расставание с сыном. Он молча смотрел, как Бэйцэ бережно касается вещей Цзыяня, словно пытаясь удержать ускользающее тепло. Обойдя комнату, тот опустился на постель, где ещё прошлой ночью спал их сын, прижал к себе его подушку и медленно закрыл глаза.

Шаоцинъ, как и накануне, присел на край ложа и нежно погладил супруга по голове, перебирая его шелковистые пряди. Разум твердил, что сейчас Бэйцэ нужно побыть одному, совладать с нахлынувшими чувствами, но сердце противилось. Ему хотелось остаться рядом — разделить эту боль, унять горечь разлуки, стать для любимого опорой.

В комнате всё ещё витал едва уловимый, знакомый аромат — тонкий запах трав, исходивший от Цзыяня. Бэйцэ вдыхал его, и на мгновение ему казалось, что сын никуда не уезжал.

Тишину нарушил скрип: в покои вошёл Ань Цзыпин. Подойдя к отцу, он бережно достал из-за пазухи сложенную бумагу.

— Отец-ван, — негромко произнёс юноша, — брат отдал мне это перед самым отъездом, в повозке, и просил передать вам с папой.

Услышав это, Бэйцэ порывисто поднялся с постели и перехватил письмо из рук сына. Конверт был запечатан красным сургучом, а на плотной бумаге красовалась аккуратная надпись: «Любимым отцу-вану и папе». Почерк Цзыяня отличался от размашистого слога обычных мужчин — тонкие, изящные штрихи ложились ровно и чисто.

Бэйцэ нетерпеливо взломал сургучную печать и развернул послание. Строки были выведены с безупречной каллиграфической точностью, но к лёгкому разочарованию папы, письмо уместилось всего на одном листе — вестей было совсем немного.

«Отец-ван, папа, когда вы станете читать эти строки, я буду уже далеко от столицы. Спасибо тебе, папа, за твою бесконечную заботу в эти последние дни. Я видел, как сильно ты коришь себя за мою болезнь. Поверь, я знаю, почему твоё сердце не на месте, и именно эта твоя любовь дарит мне глубокую радость. Сердце родителя всегда полно тревоги, но впереди долгий путь, и я не знаю, когда смогу вернуться. Прошу тебя, папа, побереги своё здоровье.

Мой отъезд наверняка опечалит тебя, и в это время отцу-вану придётся стать твоей опорой и утешением. Я твёрдо верю, что вернусь в столицу, когда деревья вновь усыпят багряный цвет. Помните, как когда-то мы вчетвером любовались цветением в Обители Подобной Сну? Ведь именно там зародились ваши чувства. Когда я вернусь здоровым, мы ведь соберёмся там снова, правда?

Мне не выразить словами всего, что теснится в душе. Берегите себя, а я обещаю беречь своё здоровье. Не тоскуйте обо мне. Ваш Янь-эр».

Всего несколько коротких фраз, но у Бэйцэ вновь хлынули слёзы, которые он только-только сумел выплакать. Это было первое письмо от его мальчика. Дрожащими пальцами он бережно сложил листок обратно в конверт и спрятал у сердца. Каждое движение было робким — словно он держал хрупкое сокровище, способное рассыпаться от малейшего неосторожного вздоха. Впереди его ждали бесчисленные дни и ночи тоски, когда лишь эти строки, перечитанные до дыр, спасали от щемящего одиночества.

Тем временем повозка катилась прочь от города. Ань Цзыянь полулежал внутри, укрытый тёплыми одеялами. Заботу о больном юноше полностью взял на себя его юный спутник, только что забравшийся внутрь с козла. Дорога предстояла неблизкая, поэтому для удобства Цзыяня в карете устроили небольшое ложе, под которым теплилась жаровня — надёжная защита от дорожных сквозняков.

— Молодой господин, пора принимать лекарство, — негромко произнёс юноша.

Он достал из походного узелка тёмно-бордовый флакончик и вытряхнул на ладонь крошечную пилюлю. Цзыянь пил это снадобье уже несколько дней. Истинный владыка Сюаньцин предупреждал, что оно создано для спасения жизни в крайних случаях и не предназначено для долгого лечения. В малых дозах оно поддерживало силы, но при частом приёме превращалось в яд, подтачивающий здоровье.

— Послушай, — слабо улыбнулся Цзыянь, — не стоит величать меня молодым господином. Зови просто Цзыянем. И... как мне обращаться к тебе?

Им предстоял долгий совместный путь, и излишние церемонии казались неуместными.

Юноша осторожно вложил пилюлю ему в рот, помог проглотить и подал чашку с тёплой водой.

— Меня зовут Чоу Хуайшэн, — ответил тот. — Можешь звать просто Хуайшэном, так ко мне обращается учитель. Он поручил мне заботиться о тебе во время пути. Если на горе Небесного Духа тебе что-то понадобится или возникнут трудности — сразу говори мне.

Это был их первый настоящий разговор наедине. Раньше, когда старик Сюаньцин навещал больного вместе с Хуайшэном, говорил в основном учитель, раздавая указания, а парень лишь молча и усердно всё выполнял. Лишь изредка он бросал на Цзыяня быстрые взгляды, от которых тот почему-то смущался. Цзыянь считал своего молчаливого спутника суровым и нелюдимым, но тот оказался на удивление мягким и заботливым.

— Ты кажешься старше меня на пару лет... Можно мне звать тебя братом Хуайшэном? — спросил Цзыянь и тут же спохватился, испугавшись собственной дерзости. — Ой, прости, это было слишком навязчиво с моей стороны! Лучше просто Хуайшэн.

Цзыянь мысленно обругал себя за косноязычие. Надо же было ляпнуть такое! Стоило покинуть родные стены, как он растерял все манеры и начал говорить не подумав.

— Всё в порядке, — невозмутимо отозвался Хуайшэн.

Цзыянь удивлённо моргнул, гадая, к чему именно относилось это «всё в порядке» — к первому предложению или ко второму? Заметив его недоумение, Хуайшэн тепло усмехнулся:

— Я имею в виду, зови меня братом Хуайшэном, если хочешь. У меня никогда не было младшего брата. Буду считать, что теперь он у меня появился.

Лицо Цзыяня просветлело, и он радостно кивнул. О таком понимающем друге он не смел и мечтать.

За этой дружеской беседой они не заметили, как занавес кареты приоткрылся. В проёме показался истинный владыка Сюаньцин.

— Впереди придорожный чайный шалаш, — сообщил старик. — Остановимся ненадолго, переведём дух — и снова в путь. Ваше Высочество наследник, дорога дальняя и тяжёлая. Если почувствуете хоть малейшее недомогание — не молчите. Скрывать болезнь глупо: если упустим время, тут и небесные бессмертные бессильны будут.

— Я всё понял, владыка, — с улыбкой отозвался Цзыянь. — И, прошу вас, зовите меня просто по имени. Я ведь еду лечиться, а не тешить гордость, и это официальное «Ваше Высочество» режет слух на пыльной дороге.

На самом деле Цзыянь искренне считал, что титул наследника принца-регента куда больше подошёл бы его младшему брату Цзыпину. Он не раз просил отца официально передать это звание брату, но Ань Шаоцин стоял на своём: пока он жив, именно его старший сын будет признанным наследником в стране Юй. Вот только какой прок от больного преемника? Красивое имя, за которым скрывалась лишь немощь. Да, Цзыянь преуспел в науках и каллиграфии, но не умел ни держаться в седле, ни стрелять из лука, ни охотиться. Найдётся ли во всей Поднебесной другой столь же жалкий наследный принц? Вряд ли.

Юноша горько усмехнулся про себя. Сколько он себя помнил, главной его мечтой было простое крепкое здоровье. Каждый раз, когда император собирал двор на осеннюю охоту в угодьях, Цзыянь замирал от щемящей зависти, глядя на здоровых сверстников, уносившихся верхом вслед за отцами в гущу лесов. Сам он оставался сидеть в шатре. Помнил он и то, как однажды Цзыпин вернулся с добычей — притащил живого, крошечного белого лисёнка. Малыш был совсем несмышлёным, ещё не отвыкшим от материнского молока.

Цзыяню стало жаль беззащитного зверька, и он уговорил брата отдать лисёнка ему. Но стоило об этом прознать другим знатым недорослям, как посыпались насмешки. Его дразнили девчонкой, неспособной проявить мужской нрав и годящейся лишь на то, чтобы возиться со

зверьём. Цзянь сгорал от стыда и обиды, не зная, что ответить обидчикам. Но когда об этом узнал принц-регент, шутники разом поплатились за свою дерзость: на следующую охоту никого из них не пустили. Отец, стремясь уберечь хрупкое самолюбие сына, лично попросил императора закрыть им доступ в угоды. Впрочем, позже Цзянь и сам отказался от этих поездок — подальше от косых взглядов. А тот белый лисёнок... несмотря на всю заботу, уберечь его не удалось — зверёк вскоре издох. Цзянь долго плакал над ним, и даже сейчас эти воспоминания отзывались в душе тупой болью.

— Что ж, раз такова воля Вашего Высочества, спорить не стану. Уж не обессудьте за простоту, — усмехнулся Сюаньцин.

Цзянь дружелюбно кивнул старику, показывая, что церемонии его действительно не заботят.

Вскоре повозка съехала на обочину у скромного навеса. Хуайшэн бережно помог слабому Цзяню спуститься на землю, а местный зазывала увёл лошадей к коновязи.

— Любезный, задай лошадям лучшего овса и свежего сена, — напутствовал его Хуайшэн, прежде чем присесть за грубый деревянный стол рядом с Цзянем.

Они заказали простую крестьянскую похлёбку, немного пресных лепёшек и маринованных овощей, чтобы перекусить в дороге.

— В этой глуши еда немудрёная, прости, что приходится довольствоваться малым, — мягко произнёс Хуайшэн, ставя перед Цзянем чашу. — Но я попросил повара подмешать в твою кашу растёртый в пыль линчжи. Действие то же, что у твоих домашних снадобий. Потерпи, а вечером на постоялом дворе я велю приготовить для тебя что-нибудь посытнее и пополезнее.

Хуайшэн искренне переживал, что изнеженный царский отпрыск, привыкший к столичным яствам, не сможет есть простую пищу.

— Полно тебе, брат Хуайшэн, к чему эти тревоги? — тепло возразил Цзянь. — Покинув родной дом, глупо кичиться происхождением. Как говорится, «коли душа спокойна, то и простая похлёбка слаще пира». Если бы не ваше спасение, я бы сейчас и этого вкусить не мог. Да и благодаря вам я впервые в жизни вижу мир за пределами усадьбы. Я искренне счастлив.

В своей непритязательности и лёгком нраве Цзянь пошёл в папу Фэн Бэйцэ — и именно за эту кротость и искренность Ань Шаоцин любил старшего сына больше жизни.

Его слова заставили спутников удивлённо переглянуться. За те несколько дней, что они провели вместе, они ещё не успели разглядеть душу юноши, но его открытость и отсутствие чванства подкупали. Истинный владыка Сюаньцин молча одобрительно кивнул: старый даос всегда ценил в людях скромность, здравый смысл и умение помнить добро.

— С завтрашнего дня нам придётся прибавить ходу, — посерьёзнев, проговорил старик. — Нужно во что бы то ни стало добраться до горы Небесного Духа к середине следующего месяца. Опоздаем хоть на день — упустим время, и тогда твоей жизни уже ничто не поможет.

— Но владыка, — растерянно возразил Цзыянь, — мне правда кажется, что ваши пилюли творят чудеса. Я чувствую себя крепче с каждым днём. Разве болезнь может быть настолько опасной?

Юноша не кривил душой. Это было его собственное тело, и он ощущал, как силы возвращаются к нему. Исчезла вечная сонная вялость, разум прояснился, а внутри бурлила непривычная, бьющая через край энергия. Ему верилось с трудом, что за этим мнимым благополучием скрывается смертельная угроза.

— Снадобье, которое ты принимаешь, действительно пробуждает скрытые резервы и ускоряет восстановление, — терпеливо разъяснил Сюаньцин. — Обычному человеку хватило бы одной пилюли, чтобы встать на ноги. Но твоё тело слишком уязвимо. Тебе приходится пить его постоянно. Если это продлится дольше месяца, лекарство без остатка выжмет из тебя жизненные соки. Ты просто угаснешь, как светильник, в котором выгорело масло.

Лишь теперь Цзыянь до конца осознал смысл даосских предостережений о скрытом яде. «Выгореть без остатка»... Разве это не значит умереть? Старик не произнёс этого слова прямо, но смысл его слов был кристально ясен.

— Понимаю, — тихо ответил Цзыянь. — Моя жизнь — ваша заслуга. Вы буквально вырвали меня из лап смерти, подарив второй шанс. Я ценю это больше всего на свете. Давайте поспешим.

Дорожные тяготы его не пугали. Куда больше он переживал за своих спасителей, которые терпели лишения и тратили силы ради его исцеления. В глубине души Цзыянь поклялся, что приложит все силы, чтобы со временем отблагодарить их за этот бесценный дар.

<http://bllate.org/book/18341/1771633>